

3 КРУГОЗОР 74

Творцами советско-кубинской дружбы стали сегодня миллионы людей. Это рабочие, техники, инженеры советских предприятий, которые изготавливают для Кубы станки, машины, комбайны, другую продукцию. И это труженики сафры, знающие, что часть произведенного ими сахара поступит советским людям. Это и советские специалисты, работающие на Кубе, и кубинские юноши и девушки, которые приезжают учиться в нашу страну. Это советские и кубинские ученые, деятели литературы и искусства, все, кто участвует в интенсивном обмене ценностями культуры между нашими народами. Да и для каждого советского человека и, как мы уверены, для каждого кубинца дело советско-кубинской дружбы, дело кубино-советской дружбы стало близким и дорогим.

Из речи
товарища Л. И. Брежнева
на митинге
кубино-советской дружбы
в Гаване

Выходя из гранхи в Сибонее, я засек время: девятнадцать минут шла наша машина до Монкады. Двадцать лет назад этот путь был длиннее. Через всю страну — на машинах, на автобусах, на поезде, из Гаваны в Сантьяго, и вечером — на маленькую пригородную ферму в местечке Сибоней, арендованную Эрнесто Тисолю.

Когда раздели оружие, товарищ Фидель сказал: «Компаньерос, слушайте меня. Сегодня мы нападём на казарму Монкада».

Передавая подробности той исторической ночи, член ЦК Компартии Кубы товарищ Эрнесто Тисоль рассказывал мне: «После того как товарищ Фидель разъяс-

штурме узнал весь отряд. Вторая по величине крепость в стране! Гарнизон — целый полк! До этой минуты о нападении знали лишь шесть человек. Среди них товарищи Фидель и Эрнесто Тисоль».

Товарищ Фидель в ту ночь сказал: «Вы вступили в движение добровольно. И сегодня вы принимаете участие в атаке тоже добровольно. Если кто-нибудь из вас не согласен, он должен отказаться сейчас же».

Десять человек добровольно навсегда вычеркнули себя из истории. Семьдесят один человек отдал в те дни жизнь за свободу.

В четыре часа сорок пять минут 26 июля последний боец покинул маленькую

нимается Сьерра-Маэстра. И тогда не было имен, высеченных по обеим сторонам дороги. Золотом буква на граните. Золотом на мраморе. Золотом на бетоне. Девятнадцать минут, наталкиваясь на эти знаменитые имена, черпая из прочитанного, из услышанного от очевидцев, память слагает торжественный реквием этой исторической ночи. И на исходе девятнадцатой минуты пути — лишь мелькнет невидимый проспект Гарсон — дорога оборвалась в будущем...

Через пять лет после событий той ночи товарищ Фидель сел за рычаги управления трактора и направил его на стены, окружавшие Монкаду; так пали ее стены.

ДЕТИ МОНКАДЫ

нил, что нужно делать, был отдан приказ выезжать, и товарищи заняли места в машинах». Их было сто шестьдесят пять человек: крестьяне, рабочие, адвокат, фотограф, певец, матрос, фельдшер, студент... Сто шестьдесят пять человек и оружие: пистолеты, винчестеры с обрезанными стволами, один автомат, карабины и охотничьи ружья с патронами 12-го калибра.

Среди бойцов были и самый молодой участник движения — семнадцатилетний Мануэль Исле и самый старый — пятидесятидвуухлетний Мануэль Рохо. Оба погибли во время штурма.

«После того как товарищ Фидель разъяснил, что нужно делать», о предстоящем

ферму. Штурм был назначен на пять пятнадцать утра, когда заря только еще накатывалась за дальними горизонтами гор.

...Последний раз я взглянул на белый домик фермы, утопающий в тени деревьев, на скромный цветник у входа и засек время. Тогда, двадцать лет назад, машины задержались у старого узкого моста Сан-Хуан. Сейчас, сохранив исторического «старика», дорога форсирует реку мостом новым. Но по-прежнему мелькает по сторонам — тогда их не было видно в густой темноте — рядные дома, завешенные тропической зеленью, невысокие фермы, изгороди пастбищ, а справа неприступным голубым бастионом под-

В бывших казармах был открыт школьный городок имени 26 июля.

В гомоне детских голосов, гулко перекликающихся под высокими потолками, трудно поверить, что двадцать лет назад именно здесь пытали и убили Абеля Сантамарию, второго лидера движения, что именно под этот высокий портал первым ворвался в Монкаду Ренато Гитар и потом его тело, изрешеченное пулями, нашли позади военного госпитала. Но разве не подвиг этих людей открыл путь мечтаниям мирного мальчишеского воинства в старой Монкаде? «Я хочу стать военным моряком». «Я хочу стать учительницей». «Я хочу стать физиком».

Продолжение на стр. 5.

Перед вами — биография сахарорубочного комбайна — в четырех фотографиях. Цех сборки Люберецкого завода имени Ухтомского, хозяйство Артемиса, где комбайну предстоит долгая жизнь и тяжелая работа, и два портрета: Юрия Калинина, слесаря-сборщика из Подмосквья, и Альберто Иглесиаса, 24-летнего кубинского комбайнера.

Фото специальных корреспондентов «Кругозора» и Л. Шерстенникова.

ЦВЕТ САФРЫ

*«Скажи, компаньеро, откуда у сафры отчетливый привкус российской страды?»
Записи, вошедшие в песню-репортаж, сделаны в цехе подмосковного завода и на Кубе, на тростниковом поле хозяйства Артемиса.
Слушайте звуковую страницу «Кругозора».*

Синее, синее небо. Оранжевое солнце — можно только догадываться, как безжалостно оно в июне, в конце сезона рубки, если даже сейчас, в зимние по московским меркам дни, от него нет спасения.

Зеленые листья тростника. На красной земле — чернота выжженной перед рубкой травы. Коричневые лица мачетерос. И ослепительно желтый цвет комбайна, советской машины, которая пришла на сафру, потеснив извечно каторжный труд рубщиков.

Белый цвет сахара, разложенный в призмесафры.

«Остров сахара и рабов» — это было сказано о Кубе два века назад. Более поздние стихи почти повторили беспощадную формулировку барона Гумбольдта: «Ты — горький сахар и ненастье!»

Горьким был сахар для кубинца. Горечь его была общей для сотен тысяч бедных крестьян — гуахирос, кто бы ни был их предок — белый, мулат или негр. Две ненависти слепили им глаза. У одной был цвет охры — цвет батистовских казарм. Другая была окрашена в фирменные цвета империалистических компаний, поделивших остров на сферы грабежа.

«Без сахара нет Кубы», — лицемерно говорили они, оставляя кубинцу лишь отполированный работой мачете, отнимая у него право быть механиком, врачом, врачом,

...то теперь кубинец восседает за рычагами комбайна, оставив для мачетерос каменистые участки, склоны холмов, которые еще не по плечу машине...

Операторами называют на Кубе комбайнеров. И здесь самое время познакомить нашего читателя с Альберто Иглесиасом и Юрием Калининым. Их фотографии, которые вы видите на полосе, сделаны в промежутком в несколько дней в январе этого года, но адреса, где нашел их объектив фотокорреспондента, различны: хозяйство Артемиса в провинции Пинар-дель-Рио на Кубе и Люберцы под Москвой.

Юрий Калинин — слесарь Люберецкого завода имени Ухтомского. Он собирает тростниковоуборочные комбайны, на одном из которых как раз и работает Альберто. «Стальной мачетеро» — говорит кубинец Альберто Иглесиас о своей машине, возникшей, как он считает, потому, что «настоящая дружба — это когда

ты понимаешь заботу друга настолько, что она превращается в твою собственную заботу».

В Люберцы, в недавнее Подмосковье, ставшее частью Большой Москвы, я поехал, едва вернувшись с Кубы. Непривычно было глядеть на сборку тех комбайнов, которые я только что видел запыленными, вгрызающимися в стену тростника. Бригадир кричал: «Чуть майна!» — и крановщица подавала могучие змеевики заборного устройства ровно на столько, на сколько это было нужно. Женщина в стеганой фуфайке и марлевом респираторе распыляла желтую краску по ступенькам мостика; фотокорреспондент, взобравшись на огромный скат, пытался охватить это несуетливое предотпирывочное мелькание. С Юрием Калининым я разговаривал в красном уголке. За окном тяжело дышал заводской локомотив, везущий платформы с зашитыми в тес комбайнами. Юрий рассказывал о Кубе, где он был в прошлом году. И я спросил его: «Ты не встречал там Альберто Иглесиаса?» «Нет, — ответил Юрий, — не иришлось, но я видел, как работают кубинские ребята на наших машинах». И тогда я достал магнитофон: пусть на звуковой странице встретятся эти два человека, которые по делам давно уже знают друг друга.

Б. ВАХНЮК,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Гавана — Москва

архитектором, просто грамотным человеком. А когда революция отняла прибыли и надежды имперналистов, они наносили подлые удары исподтишка, выбирая мишень побольней. Так мир услышал о Плайя-Хирон. Так познакомились люди с новейшим пиратским тарифом: тысячу долларов получал пилот за поджог тростниковой плантации...

Сахарный тростник, сахар и сегодня — важнейшая статья дохода республики. Выжимки тростника становятся бумагой, прессованной строительной панелью...

Народный напев «Байла-хемчим»
и ария Маргариты из «Фауста» Гуно —
полюсы сегодняшнего музыкального мира Надежды Красной.
Слушайте восьмую звуковую страницу.

ЗНАКОМСТВО

НАДЕЖДА КРАСНАЯ

Увертюру сочиняют после того, как факты, о ней уже дописаны. В творческой же летописи певицы Надежды Красной заполнены лишь первые листы. Но это яркие страницы, предисловие к ее искусству правомерно. Оно сложилось из разговоров с самой певицей и музыкантами, которые соприкасались с ней в восхождении на певческие вершины. В зеркале этих бесед облик Красной виден под разными углами зрения.

Я вспоминаю летнюю ночь семидесятого года, когда репортеры, работавшие на конкурсе Чайковского, столпились вокруг Ирины Константиновны Архиповой, которая проговорила устно

свои характеристики против имен только что объявленных лауреатов.

— Четвертая премия, — говорила она, — досталась молодой певице с прелестными вокальными данными, с удивительным галантом и экспрессией — Надежде Красной. Ей, правда, пришлось нелегко, — добавила Архипова, — но не забывайте, что она студентка консерватории, ей всего двадцать три года.

Красная защитила диплом, некоторое время поработала у себя на родине, в Тувинской АССР, затем была принята стажером в Большой театр, а вскоре завоевала Гран При на одном из серьезнейших мировых вокальных турниров — Тулузском.

Но всегда памятные первые ступеньки к Парнасу, пора открытий. Такое открытие произошло и в консерваторском классе, в Москве, на улице Герцена. В этом самом классе я веду разговор с педагогом Надежды Красной — народной артисткой ТаАССР Асей Сафиуллиной Измайловой.

— Это было случайно, — задумывается она. — Момент был рабочий, обычный. Учили народную мелодию. Надя как-то не продвигала свой голос дальше ре второй октавы. Но в ее натуре иногда появляется элемент спортивного, что ли, интереса. Она взяла ноту ми-бемоль, лежащую на полтона выше, и вдруг я услышала звенящий, очень яркий, красивый звук, неожиданно округлый, что для вокалистов всегда подарок судьбы и знак благородства в пении. Появилась возможность точного определения голосового регистра Красной. То было не меццо, как думалось в момент ее поступления в консерваторию, а настоящее сопрано, которое вскоре обрело и два существеннейших признака хорошего голоса — полетность и серебристость. Именно тогда начался то медленный, то стремительный расцвет Нади Красной, продолжающийся и сейчас...

В формировании артиста помимо его самого всегда участвуют другие люди. Это относится и к Красной. Рядом с ней на эстраде у инструмента всегда один и тот же человек и в черном зеркале рояля — одно и то же лицо. Пианистка Наталия Рассудова.

— В Наде ощущаешь сразу по меньшей мере три ценнейшие вещи. Острое чувство ансамбля, артистическую гибкость и способность к быстрой, значительной по объему работе.

В оперном театре, на большой сцене, пианист уступает место оркестру, и певец ловит свое отражение в глазах дирижера. Дирижер ГАБТ Марк Эрмлер говорит:

— Когда певец покидает класс, чтобы выйти на сцену, и вместо фортепьяно слышит оркестр (у Красной такой момент наступил еще на студенческой сцене, когда она пела Татьяну в «Онегине»), тут важно сохранить в себе и восторг и хладнокровие. Для стажера все начинается с Маши в «Пиковой даме» или с Аннины в «Травиате». Но у Нади уже готова заглавная партия из рахманиновской «Франчески да Римини»; по-видимому, она будет петь Маргариту в «Фаусте» и затем Микаэлу в «Кармен». Перед ее красивым голосом и талантом, я уверен, открывается большое будущее. Будущее человека, приехавшего из мест, которые доселе вряд ли считались классическим вокальным берегом мирового искусства, — из главного города Тувы Кызыла, где высоко над Енисеем стоит обелиск с надписью «Центр Азии».

АРТЕМ ГАЛЬПЕРИН

▼ ДЕТИ МОНКАДЫ

В этих раскованных планах подростков ярче всего отражаются социальные завоевания кубинской революции. Нищета, безработица, скупая поденщина, кишечные заболевания, туберкулез как социальное бедствие, латифундии миллионеров и бидонвилли пролетариата — где

На этой полосе три реликвии кубинской революции: оружие, с которым шел штурм 26 июля; колодец, где хранилось оно; ферма Сибаней, откуда начался путь к Монкаде. Маленький кораблик на фоне океанских судов — это знаменитая «Гранма». С нее высадились товарищ Фидель и его отряд.

это? От всеобщей неграмотности среди крестьян до строительства ста политехнических школ в год. От университета для имущих до университета для всех. Вот траектория, которую прочертили первые выстрелы охотничьих ружей на рассвете 26 июля.

Стать свободным! Я хочу, чтобы мой народ стал свободным. И они ничего не хотели для себя. Честь была их девизом. Но не даром честь и честность — слова одного корня.

...В четыре сорок пять утра, садясь в машину, Эрнесто Тисоль последний раз бросил взгляд на маленькую ферму и, наверное, подумал: «Ну, что ж, хозяин даже не пострадает — арендная плата внесена за весь июль».

За два месяца до этой ночи он открыл хозяину свое имя.

— Если ты назовешь себя, — сказал Фидель, — то в случае неудачи с Монкадой тебя немедленно арестуют.

— Если ты мне разрешишь, я готов пойти на такой риск, — ответил Тисоль.

...Глухо дрогнул стартер. Машины одна за другой выезжали на шоссе. Победа в неравном бою была для них желанной, но не близкой. Монкада была прологом. Никто не знал, что им еще предстоит пройти через пытки озверевших бандитов, пытку судом-фарсом, где товарищ Фидель бросит как приговор своим судьям: «История меня оправдает».

Впереди была маленькая, как катер, «Гранма», преодолевшая полторы тысячи миль, почти черная вода бортами, высадка под пулями, эпопея Сьерра-Маэстры, взятие Санта-Клары, вступление в Гавану. И весь этот путь надо было пройти, чтобы под сводами бывшей казармы звенели голоса детей, родившихся и мечтающих уже при социализме.

И уж таково свойство памяти: в этих ставших историческими стенах среди детских голосов она различает и другие —

Снимок сделан во время реиса «Гранмы» 2 января этого года на место вечной стоянки. В доках морки подарили товарищу Фиделю модель «Гранмы». На снимке справа — участник штурма Монкады, член ЦК Коммунистической партии Кубы тов. Э. Тисоль. Фото автора

автоматные очереди и атакующий гул штурма. Так пусть и на звуковой странице встретятся героическое прошлое и славное настоящее. Они не расстались, потому что революция продолжается, ведя свободную Кубу в прекрасное социалистическое завтра.

С. ЗИНИН,
специальный корреспондент «Кругозора»
г. Сантьяго-де-Куба

Шепетовка, Боярка, Киев, Житомир, Новоград-Волынский, Львов... — огненным пунктиром пронизали они короткую жизнь комсомольца Николая Островского. «Н. Островский. 60 лет» — лаконичная табличка на автобусе. Его маршрут вытянулся почти на десять тысяч километров по тем местам, где жил писатель. В составе экспедиции ЦК ВЛКСМ был и харьковчанин Петр Николаевич Новиков — человек, близко знавший Островского и почти сорок лет спустя познакомивший нас с малозвестными фотографиями писателя. Новиков остался верен дружбе с Островским на всю жизнь. Он помог нам повять его по-настоящему...

Останавливались и в городах, в которых писатель никогда не бывал, но где знали его книги, знакомились с корчагинскими бригадами. Петр Николаевич читал ребятам письма Островского: «Моя страстная мечта — стать активным участником в борьбе — осуществилась...

Жизнь моя теперь заполнена до краев...» Жизнь, изменившая судьбы многих людей, жизнь, продолжающаяся поныне в его товарищах по борьбе, в друзьях...

Перечитывая книги, свидетельства современников, новые поколения каждый раз будут задаваться вопросом: «За что же мы чтим Николая Островского?» За его великомученическую судьбу? Несгибаемость? Неистребимую веру в жизнь до последнего вздоха?

Островский прежде всего дорог нам своей гражданской убежденностью. Он, как никто, смог обратить факты собственной биографии в человеческий документ необычайной силы, сделать ее биографией поколения. Корчагина он наделил кроме всего прочего прекрасным человеческим галантом, врожденной тягой к справедливости, к прекрасному.

ТАКИМ, КАК ТЫ!

3

В. Конкин
в фильме
«Как закалялась
сталь».
Фото Н. Гнисяка

Человеку любого времени есть о чем поговорить с Корчагиным. И он приходил, он дважды появлялся на киноэкранах — в годы Великой Отечественной и на переломе пятидесятых... И вот третья встреча. Вирессованная в шесть телевизионных серий, вся короткая жизнь Корчагина прошла перед глазами миллионов. Корчагина увидели одним из многих и единственным, неповторимым; жестким, но не иступленным; одухотворенным, без хрестоматийной назидательности. «Нового» Корчагина привяли люди всех поколений. Свидетельство тому — тысячи писем. Ими завален не один стол в Останкинском телецентре. Вот строки только из трех.

«В тридцатых годах я служил в погранвойсках в Сочи. Как член бюро горкома комсомола часто бывал у Островского. Читал его роман солдатам. Сколько уже лет прошло, а я до сих пор вижу бамбуковую палочку с привязанным носовым платком, которым он освежал лицо.

Островский был всегда бодр, жизнерадостен. Не ограничивал себя во встречах и беседах... Всю жизнь потом, когда приходилось трудно, вспоминал Павку Корчагина...

Я. Д. Штыков, г. Бирск, Башкирская АССР.
«...Жизнь Павки вроде бы и невелика по годам, но по делам огромна. Это наш герой. Мы понимаем его...

9-й «Б» класс, средняя школа № 4, г. Вышний Волочек, Калининская область».

«Здравствуй, Павка! Меня зовут Семенов Рома. Мне 7 лет. Я учусь в 1-м «А». Хочу быть таким, как ты. Быть смелым и сильным. До свидания, Корчагин».

Корчагина увидели живым. Ему можно сказать: «Здравствуй!» Ему поверили, его поняли, в нем почувствовали необходимость и в наши дни.

Николай
Островский.
1918 год.

Героизм всегда исторически конкретен. Корчагин принадлежал своему времени, и перенести его механически в нашу эпоху невозможно. Но его убеждения созвучны нашему времени. Корчагинские традиции сегодня — это героизм особого рода, героизм гражданской честности, обостренного чувства ответственности за народ.

Время ставило главную задачу каждому поколению. И каждое рождало своих Корчагиных. Они становились для современников тем «неугасимым факелом действия», которым в свое время Ромен Роллан назвал Островского.

Жизнь — высоким убеждениям! — вот крело Островского. Из этого племени был и чешский коммунист Юлиус Фучик. Прочитав роман «Как закалялась сталь», Фучик сказал: «Ничего не страшно коммунисту — вот вывод из книги, вот итог жизни автора». Кто знает, может, в трудную минуту перед смертью Фучику помог Корчагин...

Валентин СКОРЯТИН,
специальный корреспондент «Кругозора»

Душевный заряд Корчагина, его революционная убежденность ведут людей на борьбу и в наши дни.

«Книга «Как закалялась сталь» оказала необычайное влияние на кубинскую молодежь. Павел Корчагин вдохновлял молодых кубинцев в борьбе с империализмом. Надеюсь, что мой единственный сын будет таким, как Корчагин. В честь любимого героя назвал сына Павлом» — это короткое письмо вместе с книгами, изданными на Кубе, прислал в Москву в музей Н. А. Островского кубинский офицер товарищ Хосе Гонсалес Пальмер.

О большой популярности среди воинов Кубы романов Н. Островского говорил в беседе с советскими журналистами и товарищ Рауль Кастро.

Одна революционная судьба, одни убеждения связывают советского комсомольца с кубинской молодежью.

Павел Корчагин связал в один узел и судьбы людей разных поколений — писателя Н. Островского и актера В. Конкина. Их голоса на третьей звуковой странице нашего журнала.

Однажды Л. И. Хмара, известный диктор документального кино, читал по радио рассказ. Передачу слушало несколько человек в комнате студенческого общежития. Внезапно один из них сказал: «Странное ощущение: все видишь!» Другие наперебой поддержали: «Точно!»

Да, в голосе кинокомментатора сквозило это «видение» происходящего. Вероятно, особое таинство заключено и в голосе певца, исполняющего в кино- или телефильмах за кадром песню, если песня эта становится для зрителя не просто текстом и мелодией, а кинокомпонентом.

Попробуем понять, что же сообщает даже высокому профессионалу эту вроде бы непостижимую особенность. Пожалуй, стоит обратиться к чьему-нибудь наиболее успешному опыту.

Виртуозно владел этим секретом Марк Бернес. Помните его «С чего начинается Родина»? Что это было: монолог персонажа? Авторское введение в фильм? Единственное и общее в чудодейственном сплаве? И то, и другое, и третье. И еще что-то. «Что-то» — это существование в разных актерских ипостасях.

Ведет за кадром песню Олег Анофриев. Именно ведет, как ведет нить роли актер, призывая в соучастники не только наш слух, но и наше доверие к происходящему. Прекрасно он это делает. И, видимо, оттого, что Анофриеву-певцу приходят на помощь перевоплощения Анофриева-актера. Работают опыт и профессиональная биография.

Когда-то в Театре имени Моссовета О. Анофриев сыграл Василия Теркина. И если вы вслушаетесь в некоторые его кинопесни, то ощутите и подвижность речевой интонации, и лукавую народную мудрость, и владение стихом. Да, это школа Теркина.

В другом случае вам вдруг покажется, что вы знаете характер персонажа, разговаривающего с вами песней. Это, наверное, оттого, что О. Анофриев умеет «слепить» на киноэкране зримый характер своего героя — из «Секрета красоты», «Коллег» или фильма «В добрый час».

А когда в «час назначенный» ваш ребенок заворуженно ждет, что песенка «Спят усталые игрушки» проводит его во владения сказки, к нему является певец-сказочник О. Анофриев. И начинает дышать сама атмосфера сказки, в которой актер сумел прожить естественную жизнь роли. Тут и театральные «Динка-невидимка», «Сказка о потерянном времени» и работа в фильме «Бременские музыканты», где актер пел «на все голоса», за всех персонажей. И даже хором!

На нашей звуковой странице вы услышите О. Анофриева — певца, рассказчика, актера, комментатора, очевидца событий. Все эти его качества тоже «поют хором», но особенно когда звучит о д и н голос.

Л. КРЕНКЕЛЬ

На девятой и десятой звуковых страницах песни теле- и киноэкрана: «Есть только миг» из кинофильма «Земля Санникова» (А. Зацепин, Р. Рождественский) и сценка из музыкальной мультипликационной «В порту» (М. Минков, С. Козлов). Исполняет О. Анофриев.

Песни из телефильма «Как закалялась сталь» (И. Шамо, Р. Рождественский) — поэт Ю. Рождков и кинофильма «Парадшоты на деревьях» (А. Эшпай, Г. Курелев) в исполнении В. Лынковского.

МУЗЫКА КИНО

персонажи одного голоса

Фото

А. Шибанова

ФОЛЬКЛОРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ «КРУГОЗОРА»

Знаете ли вы, что родина хабанеры Гавана? И что само слово — вслушайтесь в него — хабанера! — в точном переводе означает «гаванская». Не смущайтесь, если вы этого не знали, сам Бизе допустил в свое время ошибку, включив ее в оперу как испанский народный напев, хотя это были тема и ритм песни кубинца Себастиана Ирадьеры.

Знаете ли вы, что исполнение кубинских ритмов — истинно народное, крестьянское — немислимо без таких национальных инструментов, как трес, бонго, тумбадора, гуиро, маракасы? Ну, о том, что в ансамбль непременно включаются еще и гитары, вы, несомненно, догадываетесь и уж конечно, хорошо их себе представляете. А лауд? Он несколько напоминает лютню, но очень отдаленно.

Лауд имеет плоскую форму и 12—18 струн.

Тумбадора, бонго — барабаны, но совсем не похожие друг на друга ни по форме, ни по звуку, ни по назначению. Тумбадора — праздничный барабан.

Хосе Ибаньес.

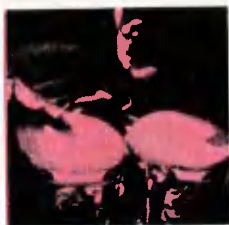
Крестьянский ансамбль «Лос Монтунос».

Одни тумбадоры издают низкий звук, другие, меньших размеров, — высокий. Бонго состоит из двух соединенных между собой деревянных барабанов. Маракасы и гуиро изготавливаются из плодов деревьев, растущих на Кубе.

Происхождение инструментов самое различное: струнные — испанские, ударные — африканские, маракасы и гуиро — местные, латиноамериканские. Недаром и сама музыка называется афро-кубинской. Такова ее родословная.

Невозможно исполнение кубинских музыкальных ритмов и без треса. Звучание треса представит вам человек, который не расстается со своим инструментом с начала этого века.

Хосе Ибаньесу (или Чичо, как его ласково прозвали в детстве и называют на Кубе до сих пор) 98 лет. Он родился в 1875 году. Сколько он себя помнит, крестьянин из провинции Ориенте сочинял, играл на своем тресе и пел болеро, гуарачо и соны. Большие всего он любит соны — песню-танец,

рожденный сочетанием определенных движений и ритма. Чичо, вероятно, не знал об этом, но именно сон ввел в кубинскую музыку полиритмию, которую по достоинству оценили крупнейшие кубинские композиторы. Соны, сочиненные Чичо, хранятся сейчас в Кубинской национальной библиотеке.

Превращение крестьянина из Ориенте в композитора и шансона было таким же естественным, как рождение и существование на Кубе бесчисленного количества народных ритмов, музыки, пения. Нельзя представить себе кубинца вне музыки. И не только в минуты отдыха. Нет. Но и в минуты труда. Музыкальные ритмы чувствуются в речи, в походке, в самой работе. Хосе Ибаньес трудился всю жизнь — крестьянин, механик, грузчик, шофер, каменщик... Но его трес, его соны оставались с ним, они были и радостью и самой жизнью.

Ему было за восемьдесят, когда началась революция. Его революция. Он ушел в горы, он сражался. Участвовал в битве под Эскамбраем, в освобождении

провинции Санта-Клара, в боях на Плайя-Хирон. Однажды бой длился три дня и три ночи, бойцы были без пищи, без воды. Чичо казалось, что он оглох от непрерывного грохота. А когда кончилось сражение, его позвал командир батальона и попросил сыграть уставшим бойцам. И Чичо пел свои соны.

Все дипломы за исполнение сонов Чичо получал на конкурсах уже в 1972—1973 годах. Он не собирается стареть. «Нет, — утверждает Чичо. — Меня не смущает возраст. Вот видите, в 85 лет я получил эту карточку за свой спортивный рекорд (на сдаче спортивной нормы типа вашего ГТО). У меня 107 внуков, 12 ирравнуков и 5 ираиравнуков. Все они учатся, работают. А я недавно стал изучать русский язык. Конечно, мне немало лет, но я не умру, пока не увижу Советского Союза, самой великой страны рабочих и крестьян».

Альберто МУГЕРСИА,
консультант по народной музыке
Института кубинского радио и телевидения

Николас ГИЛЬЕН,
лауреат международной Ленинской
премии «За укрепление мира
между народами»

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

На Кубе мне ни разу не встречался
советский трест.
Ни банка их, ни сахарных плантаций,
ни магазина «Все за десять центов»
я не встречал окрест.
Компании не видел никакой,
ни железнодорожной, ни морской.
Не видел рощ банановых ни разу
с доскою, на которой читасшь фразу:
«Маслов энд компани».
Бананы оптом. Конторы:
угол Масео и Неведомо—Которой».
И телеграммы не встречалось мне:
«Москва, 15 ноября (ЮПИ).
Сырец в цене».
И не поставлю им
коварного желания в вину:
продвинуть их столь знаменитый снег..
в мою не менее известную весну.
На поезде — по городам
(я нахожусь в России)
не видел я, присягу дам,
«Для белых—здесь, для черных—там».
Кафе, автобус —
не прочесть:
«Для черных—там, для белых—здесь».
И в барах не встречалось нам:
«Для белых—здесь, для черных—там».
В отеле, в самолете —
нигде вы не прочтете:
«Для черных—здесь, для белых—там».
«Для белых дам, для черных дам».
В любви, в учебе —
никогда:
«Для черных — нет, для белых — да».
И люди их в краю моем,
когда мы руку подаем,
на нас не смотрят свысока,
какой бы ни была рука.
В Карибском море не найдете вы
(у волн спросите) пиратов из Москвы.
И в светлых бухтах нет ушей-радаров,
которые, ворочаясь во тьме,
поделушивают, что у Кубы
на уме.
Советская блокада? Ерунда.
Морские пехотинцы? Никогда.
Шпионы на моторках? Суший бред.

Сердечно приветствую читателей «Кругозора»
и шлю им мои наилучшие пожелания. Шлю их и от своего имени
и от имени кубинского народа, среди которого у вашего журнала
много читателей и слушателей.

Всегда да здравствует дружба Кубы и Советского Союза!
Н. Гильен

5

Фото Ф. Соловьева

Saludo muy fraternal
a los hijos de Krugozor,
y los amigos mis queridos
dones, en mi amigo y
en amigo del pueblo so-
viético, donde esta guerra
tiene grandes amigos... y
ordenes.

Sempre

Viva la amistad y la
unión socialista.

Мини, адити 9-73

Их корабли? Ответ
на Кубе даже дети дать могли бы:
«Здесь танкеры и корабли
для ловли рыбы».
От нас они увозят кофе, сахар
и мечту —
благоухающую веточку в цвету.
Послушайте поэта:
что б ни везли они с другого
края света,
во всем их дружеского хлеба
аромат
и доброе звучанье слова «Брат».
Советская страна, я отдаю
тебе судьбу рассветную свою.
Ты указала Кубе верный путь,
с которого нам не свернуть.
Нам столько волн враждебных
било в борт!
Отныне знаем мы, где порт.

Беседу с Николасом Гильеном
ведет на пятой
звуковой странице журнала
поэт и переводчик стихов
Н. Гильена Павел Грушко.
Там же звучит
самая популярная песня
на стихи Н. Гильена
«Негро бембо».

Алисия АЛОНСО,
балерина, заместитель
президента Ассоциации
кубино-советской дружбы,
почетный доктор искусствоведения
Гаванского университета

На Кубе и до победы революции суще-
ствовали национальные театральные труп-
пы, музыкальные коллективы, балет. Ма-
лочисленные и разобщенные, они пыта-
лись как-то выжить, удержаться на но-
гах. Но правительство было абсолютно
безучастно к их судьбе, как и к самой
культуре для народа.

Поэтому все, что происходит сейчас в
нашем искусстве, меряется для нас не
только масштабами, но существом про-
цессов, раскрывающих наше гражданское
достоинство. То, чего мы всегда были
лишены раньше, и то, что в первую оче-
редь необходимо человеку.

Наш балет называется Национальным ба-
летом Кубы. Это государственное учреж-
дение, с государственной школой, имею-

щей учебные отделения во всех провин-
циях страны. Те, кто пришел за послед-
ние годы в балет, уже кадры нашей ре-
волюции. Девяносто процентов артистов
окончили свою национальную балетную
школу. Сегодня мы, кубинские арти-
сты, испытываем трудности иного рода.
Я попытаюсь объяснить, что я имею в
виду. Своими спектаклями мы стремимся
запечатлеть для будущего сегодняшний
день. Грядущие поколения должны знать
все, что мы переживаем сейчас. Им по-
лжен быть понятен наш путь, чтобы стали
понятными наша радость и наше счастье,
наши заботы и наши искания. Это всегда
нелегко, если понимаешь ответственность
цели. Но особенно это трудно сделать,
когда ты заключен в рамки события, рам-
ки «своего рисунка, своего портрета», как
мы говорим.

...На Кубе — около девяти миллионов
жителей. В Национальном же бале-
те работает 120 человек. Я имею в виду
не только артистов, но и служащих,
и гардеробщиц, и режиссеров. Сто

КАЖДЫЙ РАЗ ВСПОМИНАЯ...

двадцать человек на всю страну. Мы по-
нимаем, что это немного, и именно по-
тому мы не имеем иррава заниматься сей-
час только своими прямыми обязанностя-
ми. Мы должны нести культуру в массы,
во все уголки нашей страны. Мы шефст-
вуем над различными школами, работаем
там как педагоги. Мы выступаем с лек-
циями в воинских частях. Нас сто двадцать
человек, но каждый из нас понимает, что
он должен работать за тысячу. Нам бы-
вает и трудно, но нас всегда вдохнов-
ляет пример братских социалистических
стран.

Иметь возможность творить для народа,
участвовать во всей жизни народа и пред-
ставлять его в других странах — это выс-
шее наслаждение. Нет ничего страш-
ней, чем танцевать в клетке. И нет ни-
чего иррекарней, чем танцевать на сво-
боде и на просторе. Это чувство подоб-
но тому, что испытал наш дорогой и лю-
бимый Юрий Гагарин, когда поднялся на-
верх и оттуда посмотрел вниз, на Землю.

Фото корреспондента «Кругозора»

Сергей Залыгин заканчивает работу над повестью «Комиссия». Отрывок из этой повести мы предлагаем вниманию нашего читателя.

Устинов Николай был человеком известным не только в Лебяжке, но и далеко вокруг. И не потому, что смело воевал в партизанах в гражданскую войну, но и по другой причине: потому что отвел войну между степными деревнями и селом Лебяжкой еще в 1918 году.

Война эта могла запросто зспыхнуть, когда мужики степных деревень собрались большим обозом и ночью прибыли к Лебяжинской лесной даче с намерением порубить кто и сколько сможет пахучих сосновых лесин, лебяжинские же, те считали эту бывшую царского величества дачу своей собственностью и расположились обороной как надо — цепью, за деревьями, а кое-кто даже и отрыл себе окопчики.

Вот-вот и началось бы сражение, но тут вышел из леса лебяжинский житель Николай Устинов, взобрался на чью-то телегу и произнес перед стенаками ту самую речь, которую обе стороны запомнили потом хорошо и надолго.

— Мужики! — сказал тогда Устинов. — Народ! Это что же происходит? Я спрашиваю и даже сам не умею сказать, что в действительности может произойти между нами уже через минуту либо две. Через минуту либо две мы ведь начнем палить друг по дружке из обреза, бердан и винтовок, а кто поприпасливее и принес с фронта гранаты, те будут бросаться гранатами, а у кого нет огнестрелки, тот станет браться в атаку с топором и вообще убивать своего же брата-мужика чем ни попало?! И все из-за лесин проклятых, будто бы они нам дороже, чем мы сами себе, дороже наших собственных семейств, стариков родителей и ребятишек! Нынче — темно, ночь, и не сказать, чтобы я всех здесь видел и чтобы все вы видели меня, но и без этого известно: с обеих сторон среди нас находятся фронтовики, по некоторым так полные четыре года палили из орудий и ружейным огнем и немцы, и австрийцы, и румыны, и турки, но он, такой человек, все одно остался живым и вернулся домой в Сибирь,

обрадовал отца и мать, жену и детишек, и, спрашивается: для чего? Чтобы сейчас вот быть прострелянным с десяти шагов с обреза в брюхо или в самое сердце своим же земляком, таким же битым-перебитым, стрелянным-перестрелянным мужиком? Ведь кто был на фронте после первого, а тем более после второго переворота власти в месяце октябре прошлого года, тот помнит и никогда не забудет, как всей душой своей кипела солдатская масса, когда приезжие да и собственные свои сознательные ораторы объясняли ей, откуда и как взялась нечеловеческая война между народами. Объясняли про самого немецкого кайзера Вильгельма, как тот кайзер заставлял сделать австрийского императора Франца Иосифа такой ультиматум Сербии, после которого уже никак нельзя было миновать войны. Может, вы это забыли уже? Тогда, может, не забыли про князя Лихновского, немецкого посла в Англии, который своего кайзера обратно предупреждал и христом-богом умолял не начинать ни в коем случае войну, тем более не трогать бельгийского короля Альберта, потому что Англия этого уже ни за что не простит? Тоже забыли? Ну, тогда, может, вспомните, что поближе к нам было, о том, как бывший царь Николай Второй Александрович, до старости малолеток, затеял войну с японцами и погубил на Дальнем Востоке все корабли с матросами и сколько еще полков сибирских и других положил на полях и сопках Маньчжурии и все это не за понюшку табаку, просто так, не глядя, что японцы сами же сколь разов предлагали ему мирный переговор? И все это ему впрок не пошло нисколько, царю, не минуло и десяти годов, как он снова погнал народ в ужасную бойню без снарядов и без патронов, без амуниции и без фуража для конского состава! И ведь даже его собственные люди предупреждали его не делать этого, но ему мало было власти в своей России, и он полез за ей в Турцию, в город Константинополь и в другие города. Так неужели же у нас у самих ума нисколько не больше, а жадности не меньше, чем у того царя, которого мы сами же, народ, за его безумие и бесконечную жадность раз и навсегда порешили? Или памяти у нас, у народу, нету ни на грош ломаный и наша кровь, пролитая —

РЕЧЬ

НИКОЛАЯ УСТИНОВА

Сергей
ЗАПЫГИН

по всей земле, нам нипочем, мы и ее забыли? Или вот жигулихинские среди вас, степных мужиков, они к нам поближе, а также из деревни Кондрашихи, они знают про нашего лебяжинского юродивого, по прозвищу Кудеяр, как бегаёт он по улице и благим матом провозглашает конец света и конец всему крестьянству — так, может, он, верно, что прав наш юродивый, а все мы, которые над ним смеёмся и за сумасшедшего его почитаем, может, мы-то и есть в действительности сумасшедшие?

Темная была ночь... Октябрьская, осенняя, глухая. Костерок тлел неподалеку от телеги, с которой говорил свою речь Николай Устинов, не горел, а тлел, ничего, кроме самого себя, не освещая.

А сколько всего тут, на опушке Лебяжинского соснового бора, находилось людей — угадать было нельзя. Тем более нельзя было угадать, кто из них слушает Устинова, а кто, может, уже и пробирается в лесную чащу, заходит в тыл лебяжинской лесной охране. И лебяжинские тоже могли ведь время не терять — подобраться во тьме к подводам степных мужиков, порубить гужи, а то бросить в лошадей гранатой, чтобы те с испугу метнулись в разные стороны, чтобы среди степняков сделалась паника.

Тихая была эта ночь... Ухнула в бору сова — долго было слышно ее у-у-у, а потом стало слышно, как в темноте вздыхают, и шевелятся, и переступают с ноги на ноги кони степных мужиков, скрипят упряжью и как сами степняки переговариваются о чем-то между собою.

Лебяжинских — тех не было слышно, те затаились.

— Так забыли вы обо всем, что я нынче сказал вам, или все же таки нет? — спросил в эту темноту Устинов, и тогда оттуда стали ему отвечать, откликаться:

— Да ты почто об царях-то? Да мы что — за царями, что ли, сюда ехали? Мы же за лесом ехали, ни как-нибудь!

— Обманывают нас лебяжинские! Бить их! Наша сила! Пуще! Сто верстов ехать, чтобы на который раз об царях слушать! — Обман!

— Безобразие!

— Постоите, ребята! Мужик этот, Устинов, правильно говорит!

— А это кто там гавкает «правильно»? И стоять нечего — лебяжинских надоть бить, лесины — рубить!

— Стойте, народ! — закричал тогда Устинов с чужой с чьей-то телеги. — Стойте! Вы мне не верите? Ни одному моему слову? Ну, я вам сейчас скажу — поверите! Поверите, ей-богу!

И Устинов на мгновение замолк, подождал тишины и вдруг громко так, четко и складно, совершенно командирски прокричал: Р-р-рота, пр-р-иготовьсь! В атаку на лебяжинских — вперед, ура! Вперед, за победу над лебяжинскими мужиками — вперед! Ур-ра!

И тихо стало вокруг, притаились обе мужицкие стороны — в лесу лебяжинские, в степи — жигулихинские, кондрашихинские и еще многих сел и деревень мужики.

Никто не шевелился.

Кони и те замерли, прислушались — что-то будет?

Но не было и не было ничего, а тогда Устинов еще раз спросил:

— Ну, и долго ли мне «ура» кричать?! Начинайте атаку! Не стоять же вам табором новые сутки, как следует коней не поивши и не кормивши? Ну?!

И замешкались степные мужики, поняли: им бы с ходу надо было в лес войти со стрельбой, так со стрельбой, с рукопашным боем, так с боем, но не дожидаться устиновских речей, не слушать его команды и этого распрямляющего «ура».

И представили они, как бы вот сейчас, сию минуту, уже гудел бы и рушился лес, как рубили бы они весело и с азартом и падали бы наземь лесины одна другой пахучее, а где-то в стороне и вдалеке ругались бы уже смятые и побитые лебяжинские мужики...

Но тихо было сейчас.

Не было этого ничего.

И запомнилась та устиновская речь окрестным мужикам на долгие годы.

Рисунок М. Ромадина

Элисео АЛЬТУНАГА

Днем — бесконечное солнце и водоворот всевозможных оттенков морской сини. Вечером — радушный рой огней у серебряного моря, опьяненного лунным светом. Город синевы и зелени. Такова Гавана со стороны.

Чтобы понять ее, взглянуть на нее изнутри, надо набраться терпения: в своей неистощимой фантазии она все перепутала, все перемешала. Африканская страстность, европейская своенравность и азиатская загадочность сшиты воедино ее невидимой и нежной нитью. Секрет ее волшебства в единстве.

Лишь усвоив это, вы поймете ее географию, ее архитектуру и историю. Гавана — неустанная волшебница. В ней есть что-то от Одессы, Амстердама, Лондона, Стамбула... Но это «что-то» перетиралось и перемалывалось, пока не стало чисто гаванским. Если вы посмотрите на Гавану таким образом, вы поймете, почему здесь во время беседы так жестикулируют, почему все говорят разом и почему при этом понимают друг друга, хотя каждый развивает только свою собственную мысль. Поймете, почему гаванские негры больше напоминают белых или китайцев или бог знает кого еще, почему у этой мулатки зеленые глаза, белокурые волосы и кожа цвета корицы или почему юноша, похожий на москвича, отплясывает под ритмы африканских барабанов так, будто родился в Конго.

Если вы посмотрите на Гавану с этой точки зрения, вы не удивитесь, встретив в одном и том же квартале эллинский и

романский стили да еще рококо вперемежку с ренессансом, стены, выкрашенные в красный, синий, коричневый и зеленый цвета, свободное и непочтительное смешение того и этого в поисках своей собственной тропической эстетики. А в старой части города, где прошлое словно застыло, вы неожиданно откроете мавританско-андалузские черты в храмах и домах, стены которых иногда в метр толщиной, а рядом чисто кубинское барокко — стены без фундаментов, узорчатые косяки, балконы из железа и камня и многоцветные витражи, которые тянутся к свету, а вернее, к нежному и родному многоцветному сиянию тропического полудня. И сможете насладиться под сенью неоклассических порталов свободолюбивыми явлениями Французской революции.

Если вы посмотрите на нее с этой стороны, вам не покажется смешным, что в разгар зимы здесь стоит жара и кто-то одет в свитер, а кто-то в тонкий летний костюм. Вы привыкнете к образованнейшему и уважаемому всей Гаваной сумасшедшему по кличке Парижский Кабальеро, полуколдуну, полумыслителю, который на одном из углов может произнести импровизированную речь на любую философскую тему. И вам покажется обычным, что улицы называются Колодец, Флот, Епископ, Пар, потому что горожане не позволили прижиться помпезным названиям, которые им навязывала испанская колония.

Если вы скажете Гаване «компаньера» — товарищ и откроете ей свое сердце, вы узнаете, сколько ей пришлось выстрадать,

какой бесконечной и тяжелой была борьба против захватчиков, пиратов и тиранов. Она расскажет вам о вольноотпущеннике Антонио Апонте, который, обаятый любовью к своей родине, хотел навсегда покончить с рабством.

Гавана расскажет вам о Хосе Марти, чьей спутницей в борьбе она была долгие годы. Она расскажет вам о тысячах юношей и девушек, проливших свою кровь на мостовых, и во всех подробностях поведает вам о том январском утре, когда она, празднично одетая, шумная, украшенная взволнованными улыбками и слезами, не веря глазам своим, вышла навстречу молодым бородачам-повстанцам: измученные, пропыленные и прекрасные, они пришли, чтобы навсегда освободить ее от ужаса и унижений.

Если вы скажете ей «компаньера», она возьмет вас за руку и покажет многое из того, что не увидишь простым глазом: мальчугана, играющего на углу; юношу, сурово сдвинувшего брови, который охраняет радарную установку и ракеты; рабочего, торопящегося к станку; водителя автобуса, возвращающегося домой после смены; старика, вспоминающего в тишине парка свою жизнь. И вдруг вы поймете, что Гавана говорит на вашем родном языке, что, будь вы из Азии, Африки или Европы, вы в то же время и гаванец, и значит, вы завоевали волшебное пространство этого города. И вы поймете, что наши мечты — это мечты людей, которые, не страшась смерти, борются за жизнь и любовь.

КОМПАНИЕРА ГАВАНА

Кадры, снятые в Гаване: рабочие на строительстве нового района Аланар; в тепловозном депо; физкультурный парад на площади Революции имени Хосе Марти; на набережной и улицах Гаваны.

слушайте

в

номера

3 (120) март 1974
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964

1. Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева на митинге кубино-советской дружбы в Гаване.
2. Монкада — вчера, сегодня, завтра.
3. «В каждом живет Корчагин!» Говорят писатель Н. Островский и исполнитель главной роли в телефильме «Как закалялась сталь» В. Конкин.
4. «Стальной мачетеро». Песня-репортаж Б. Вахнюка.
5. Ваш собеседник — Николай Гильен.
6. Музыка России и музыка Кубы. Рамон Кальсадиллья исполняет романс Чайковского «Средь шумного бала» (на русском языке) и произведения кубинских композиторов.
7. «Тумбадора, трес, лауд...» Краткая энциклопедия кубинского музыкального фольклора.
8. Певица Надежда Красная. Тувинская народная песня и ария Маргариты из оперы Гуно «Фауст».
9. — 10. Музыка экрана. Песни из фильмов «Земля Санникова», «Как закалялась сталь» и «Паражюты на деревьях». Исполняют О. Анофриев, Ю. Рожков и В. Лынковский.
11. Дуэт М. Матые и Ф. Ле (Франция): «Все изменилось под солнцем», «Настоящая жизнь» и «Ты смеялась».
12. Поэт Беатрис Маркес (Куба): «В небе моей жизни» (Р. Маркес) и «Цветок для тебя» (Х. Альмейда).

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи

© ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1974 г.

На первой странице
обложки:
рисунок
художника
С. Алимova

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Сдано в набор
28. I. 1974 г.
Б 04902. Подп. к печ.
11. II. 1974 г.
Формат 60x84 1/12
Усл. п. л. 1,24
Уч.-изд. л. 2,03
Тираж 450 000 экз.
Заказ 1743. Цена 1 руб.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47,
ГСП, ул. «Правды», 24

Пишите
нам
по адресу:
113326, Москва
Пятницкая, 25
«Кругозор»

Когда я пел в Москве, то, как мне передавали, в публике, в зрительном зале, спрашивали: «Когда же появится кубинец?» А я уже был на сцене. Меня принимали за русского.

Я пел князя Игоря. Об этой партии я мечтал давно, очень давно. Много лет назад я увидел советский фильм «Большой концерт» с фрагментом оперы Бородина «Князь Игорь». Музыка захватила меня необычностью, колоритом, который был мне незнаком, драматичностью и глубиной. С тех пор я мечтал выступить в этой роли. И вот я спел партию Игоря на оперной сцене Советского Союза.

Бородин первый раскрыл мне мир русской музыки. Потом в мою жизнь вошли Чайковский, Мусоргский, Гречанинов, Гурилев, Рахманинов... Как и пар-

то Мусоргский глубокий и тем мне бесконечно интересен.

Я говорю «интересен мне», но еще важнее, когда русские романсы, которые я исполняю, волнуют моего слушателя, людей всех цветов кожи, разного уровня культуры. А я не раз убеждался, что это так, именно так. Ведь мне сотни раз приходилось выступать перед самыми разными слушателями. Я побывал с концертами более чем в двадцати странах Европы, Азии, Латинской Америки.

Мне хотелось рассказать вам о своем отношении к русскому романсу, русской опере, к школе русской музыки, которую, как мне кажется, я еще только начал познавать. А вашим слушателям, так же как и всем моим слушателям в любом зале мира, мне всегда хотелось

ШКОЛА РУССКОГО

Рамон КАЛЬСАДИЛЛЯ

6

тию Игоря, их романсы я пою по-русски. Да иначе и невозможно! Романсы Чайковского — живописные поэмы. Слова и музыка в них нерасторжимы. Они глубоко раскрывают внутренний мир человека во всей его сложности. Они так же богаты и разнообразны для меня, как сама жизнь. И мой долг и моя радость, как певца, рассказать об этом и кубинским и советским слушателям. И если мне это иногда удастся, я очень счастлив.

Одно из самых любимых мною произведений — вальс-признание «Средь шумного бала». Он будто написан акварелью.

Гораздо трудней оказались для меня произведения Мусоргского. Его «Песни и пляски смерти» очень сложны в исполнении. Они требуют от певца большого мастерства, широкого вокального диапазона. Надо постигнуть их народную основу.

раскрыть душу кубинского народа. Кубинская песня, кубинская музыка — это моя первая и вечная любовь.

Я пою камерную национальную музыку, страстно любимые мною песни и романсы Хорхе Анкермана, Эрнесто Лекуона, Санчеса де Фуэнтеса, Луиса Касаса Ромеро, Элисео Гренета, Гонсало Роига и многих других. Я непременно буду петь и советские песни. В них много эмоциональности и силы, особенно в песнях о революции, о Великой Отечественной войне.

Часто я вспоминаю своего отца и неизменно грущу о том, что мои свершения не выпали на его долю. Он начал свою трудовую жизнь в 13 лет. Человек необычайно талантливый, он сумел получить образование, но умер 37-летним в бедности: не было денег на лечение.

РОМАНСА

У нас, его детей, судьба сложилась по-иному: нас воспитывала революционная Куба. И я счастлива, что могу говорить и слушать советских друзей по искусству, могу петь для советской публики.

Интервью А. Трусова

На шестой звуковой странице вы услышите голос Рамона Кальсадилы. Он поет народную кубинскую песню «Мулатка», на русском языке романс П. Чайковского и А. Толстого «Средь шумного бала» и кубинский романс «Песнь раба».

В подготовке номера принимали участие кубинские и советские журналисты: Ф. Каньядилья, Ф. Морос, А. Мугерсиа, Х. Сайас, А. Эрнандес, Т. Богданова, Б. Вахнюк, С. Есин, Ю. Краснов, Н. Ростовцева, А. Трусов, И. Фесуненко.

ВМЕСТЕ С АВТОРОМ

Вы видите на фотографии двух известнейших мастеров французской эстрады. Мирей Матье вы, конечно, узнали сразу. О ней много писали, рассказывала печать, в том числе и наш журнал. Вы могли слышать на наших звуковых страницах песни в ее исполнении. В репертуаре Мирей Матье были и песни Франсиса Ле — крупнейшего эстрадного композитора Франции, автора музыки к кинофильмам «Мужчина и женщина», «История любви» и других замечательных мелодий. Самое известное исполнение мелодии из «Истории любви» на французском языке принадлежит Мирей Матье, которая и прежде включала в свой репертуар песни Франсиса Ле.

Казалось бы, достаточный повод для совместного фотографирования. Но сюрприз, который обрадовал французских, надо надеяться, доставит удовольствие советским слушателям, заключается в другом. Впервые Франсис Ле, написавший уже более четырехсот песен, решился исполнить свои песни сам. Правда, он сделал этот шаг под прикрытием артистической популярности и мощной вокальной поддержки Мирей Матье. Композитор, много лет так критически относившийся к своим вокальным данным, вступил в многочисленную семью французских шансонье. Мы впервые слышим голос композитора. Обратите внимание на его мягкую, искреннюю манеру исполнения, как нам кажется, очень подкупающую.

Итак, новый дуэт — Мирей Матье и Франсис Ле. Вы можете услышать их на одиннадцатой звуковой странице нашего журнала.

М. ПОДБЕРЕЗСКИЙ

БЕАТРИС МАРКЕС

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

12

Куба

Еще четыре года назад имя Беатрис Маркес было мало знакомо и самим кубинцам. Первым обратил внимание на юную семнадцатилетнюю певицу известный композитор Эдди Гайтан. Он оценил и музыкальность, и красивый тембр, и глубокий лиризм исполнительницы. Беатрис Маркес пела в тот день песню Хуана Альмейды «Одиночество». Вероятно, именно эту встречу Эдди Гайтана и Беатрис Маркес можно считать началом творческого пути новой эстрадной певицы.

Сейчас Беатрис Маркес любима не только на Кубе, но и в Европе, где ей аплодировали любители эстрадной песни Чехословакии, Польши, Югославии, Болгарии и других стран. Выступала Беатрис Маркес и в Советском Союзе. Как будто очень простой, ясный и короткий творческий путь. Но самой Беатрис он кажется более сложным. Впрочем, так оно и есть. Эта сложность отражается и в репертуаре певицы и в ее особенном, только ей присущем характере исполнения. Что же мы имеем в виду? Прежде всего огромную любовь певицы к классической музыке. Девятилетняя Беатрис поступила в консерваторию. Сольфеджио, фортепьяно...

Постепенно она постигает Бетховена, Чайковского, Баха, и до сих пор это самые любимые композиторы Беатрис Маркес. Уже позже, познав и полюбив классическую музыку, она стала проникаться красотой народного искусства Кубы. Четырнадцатилетняя Беатрис становится студенткой Национальной школы искусств. Начинает она простой хористкой и, уже приобретя опыт, поступает в Школу современной музыки, где ее и слышит Эдди Гайтан. Таков творческий путь молодой певицы: классика — народная музыка — эстрада. Оттого совершенно закономерно, что сейчас в репертуаре Беатрис Маркес есть и песня на музыку Иоганна-Себастьяна Баха «Диалог с птицей», и песни народные, и песни лучших кубинских композиторов.

Н. РОСТОВЦЕВА,
специальный корреспондент «Кругозора»

Гавана

Фото Н. Кепко

Цена 1 руб.